

КАЗАКИА

COSSACKIA – KOSAKENLAND

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Genocide is no business	1
Порабощенные народы	11
Партизанский отряд есаула Алексеева	12
Парад	16
Разное	16-19
Конец дохлого дела	20
Казачьи поэты «там»	22

Genocide is no business

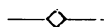
„The Scythian people... made their clothing out of these hides by sewing them together in a Cossackian manner“.

Chap. 14

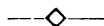
The Scythian people had only cavalry and fought in the same manner as the Cossacks.

Chap. 28

(Histoires d'Herodote. Traduct. Nouvelle avec une introduction et des notes. Paris. Librairie Hachette, 1870).

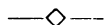
In the statement of the Byzantine emperor Leo Philosophus (Par. 61) and in the state of the Byzantine patriarch Fotiy the Byzantine emperor Mihail is said „to have sent Saint Cyril and Method to the Don-Cossacks. (858)

„Kossak, a leader of the Cossacks, won against the Tartars and they joined under his leadership the Cosogs, Cossacks, Alans and Cherkess – people“.

(948)

(A. Rigelmann, historian)

„At the river Don there live Christian people, who are organized to military standards, calling themselves Cossacks and keeping in their churches miraculous religious images“.

(Senior Abbot Antonin. Moscow, 1380)

„We state, that this ancient army called itself Don-Cossacks and their state was called Cossackia“.

(Alexey Popov „History of the Cossack army“. Charkow, 1814)

„General Geography of the Russian Empire“. (1807)

Naming the different kinds of Russian people we read the following: „These 43 million inhabitants consist of:

I) Slavic People

- 1) Russians – the leading people of the Russian Empire, widespread in the whole country.
- 2) Cossacks – Don, Grebenskoy, Terrek, Wolga, Orenburg, or Ural, Siberia, Bug and Black-Sea-Cossacks.
- 3) Poles – live in these territories separated from Poland.

II) Lettish People:

- 1) Letts and Latgals,
- 2) Lithuanians.

III) Germanic People:

- 1) the so-called „Nyemzy“ live in...

„Don was a military-democratic republic, a state independent of Moscow, which had a people, a territory and an executive power of its own...“

(Svatikov. Russia and Don.)

The above-mentioned historical facts are neither meant to rise a dispute nor to give proof of the descent of the Cossackian People. That is beneath us.

Those in the West, having heard of Herodote, should realise at last, that the fairy-tale of the bondsmen having fled into the steppe has been invented for fools.

The Cossacks came from Persia into the steppe, where they had a federal state of their own; and then they mingled with many people; they were strangers to tyranny, Khans, Czars, dictators and slavery.

The political right of sanctuary was inviolable with them. The land belonged to the settler and those, who cultivated it, had an equal share in it.

They were led only by those, who were chosen as a leader for one year.

(However) Believing in God, they tolerated the faith of others – on their territory lived Calmucks and Tartars, who were never suppressed; they had the same rights as the Cossacks. Up to the last days there existed districts at the Don whose inhabitants spoke the language of the Calmucks and Tartars. In the political creed of the Cossacks liberty was the most sacred part. Therefore, they rose against Moscow's slavery with Stepan Rasin (1621) and Emelyan Pugatshyov (1775) as their leaders. They tried to put a „Czar of Peasants“ on the throne of Moscow and their leader („Ataman“) Meshakov compelled the great landlords of Moscow to vote for czar Mihael Romanov.

At length the Russian czar Peter got even with this „nest of freedom“. „Ataman“ Bulavin, who had rose against him, was defeated and shot himself. 20.000 Cossacks were captured and hung. The gallows stood on rafts along the Don, a warning for those pondering over rights for freedom and life. 36 Cossack towns were completely destroyed.

Czar Peter gave the following order to his commander-in-chief Prince Dolgorukov: „Destroy all towns along the Don and hang all inhabitants without trial. Along the rivers Donez, Medwediza, Busuluk, Aidar and Kalitwa – destroy all of them!“

Since then – 1708 – Don became a province of Russia and lost its independence, which was drowned in the blood of Cossacks.

What did Russia gain from the new subjects: Siberia, Caucasus, and Kamchatka, and also the victory over Charles XII. and over Napoleon. Cossacks served as a part of the Russian army in 165 cavalry regiments, 346 special units, 89 infantry battalion and 80 field batteries.

When a Cossack entered the forces, he bought himself a horse, a saddle, his uniform and all what he needed to his equipment. . .

Each Cossack family had to pay about 450 gold rubles when one of them joined the forces at the time of Nikolay II. The state merely gave him a rifle with the inscription „Cossackian“.

He who asks now why the Cossacks helped to build up their arch-enemy, should look today on the soviet-zone of Germany and listen to the shots from the machine-guns at the wall of infamy in Berlin; those are Germans-killing Germans by order of Moscow.

Moscow is still the „World Champion“ in suppressing people and will be the same in the future. Like nobone else in the past and today Moscow forces it's suppressed people to work and to help conquering those who are still – free.

After World war II being as tired as the Russians, the Cossacks adopted the revolution, but not a proletary uprising.

Namely the 1st and 4th Don-Cossack Regiment and the 4th Battery held in check the first Bolshevik uprising in Petrograd (3rd to 5th July 1917).

At home they began to organize their state. On the 2nd of March 1917 the Don-Cossack-Executive-Committee congregated and on the 8th of March 1917 they elected Voloshin for their „Ataman“. In Novo-Tcherkassk, on 16th April 1917 the Cossack Army League made the preparations for Cossack Parliament. On the 26th of May 1918 the congregated 700 Members of Parliament, representatives of the people, and of the fighting units, elected their „Ataman“ – President.

The Cossack Parliament created a constitution with fundamental laws, declared the absolute independence of their state, confirmed the senate in office, and established again the old flag and national anthem.

Article I of the Constitution read thus: „Don is an independent state, based on the ruling of the people“. Other Cossack Armies also declared their independence.

On the 14th to 18th September 1917, during the „Meeting in Kiew“, the Cossacks were celebrated by all non-Russian people due to their regained freedom; they were accepted in their circle as a member with equal rights and were acknowledged as an independent people.

But Moscow also did not sleep. In April 1918 it proclaimed the Don-Cossack Republic.

And during the „Old – Russian Conference of the Productive Cossacks“ where Lenin and Trotzki personally participated a resolution was passed: „The Cossack nationality is no nation, no separate people but a part of the Russian people“.

The Bolsheviks began to act. „Don is the source of the counter – revolution; at the Don one uprising follows the other; not only the fate of the Cossacks is being decided at the Don, but also the fate of Russia itself. The time has

come to give our arch-enemy the fatal blow, „said Trotzki and put up against the Cossacks a formation of 1 million Red armists, 260.000 special officers of the Czarist army, non-commisioned officers, surgeons and technicians.

„The whole of Russia came to the Don, the whole of Russia set about exterminating the Cossacks“, wrote General Peter Krasnov (Cossack author and Ataman) later on. German troops stood near Rostov at the border of the new Don-Cossackian Republic.

They protected the province Ukraine (province-leader Skoropatski) from the Bolsheviks). The Cossacks, fighting even with their dung-forks, received from those Germans arms and ammunition in exchange for wheat. Therefore they were said to be „Germanophil“. Day and night countless refugees arrived from the North, having fled from Russia, begging for rescue, asylum and food. Among them were Russian generals, great land-owners, noblemen, high ranking officials and priests; being patriots they at once started to form an army of volunteers. In this army up to 5.000 former Czarist officers served as common soldiers under the command of the generals Alexeev, Kornilov and Denikin.

The motto on their flag read „united, great, invisible Russia“ and „Fight until the Germans are defeated“.

General Denikin did not like that Cossack-Ataman Krassnov wrote to Emperor William, he did not like that the Germans gave arms to the Cossacks and did not like the Cossacks governing themselves. And he did everything to eliminate Ataman Krassnov and „all Cossack separatists“.

Having acknowledged General Denikin as „Commander-in-Chief of South Russia“, Great Britain and France aided him.

A letter of General Bertelo to General Denikin read:

„Protected by the allied troops it is at once necessary to form a Russian army, which will fight in the name of the ‚united, great, indivisible Russia‘“. The representatives of Great Britain and of France with General Denikin, General Pool (Great Britain) and General Erlish (France) spoke at a banquet: – „Our aim is the restoration of a ‚united, great, indivisible Russia‘, and on behalf of my country I say: Not for one minute did we forget that Russia is our long-standing and faithful ally“.

And Erlish said: „You can count on all the help of the free part of France. Soon the flag of the united, great, indivisible Russia will fly over the holy Kremlin instead of the Red flag. He who is against Denikin, is against us“.

Those were the talks of the Entente-representatives to Denikin. And here is what they told the Cossacks, according to Ataman Krassnov: „When the Cossack representatives arrived at Yassy, Bertelo already had his orders. It was decided at Versailles to acknowledge only General Denikin as the sole leader“.

The representative of Denikin said that „the Don-Cossack Republic is a half-Bolshevik state, which is lead by the Germans and has no army of its own...“

Turning around to fight the – Cossacks were

- the Russian White Army with Denikin and the Entente

- Trotzki with the Russian General Staff, at its head General Bryussilov, the commander of Petrograd, Colonel Muravyev and the Colonels Sheremetyev, Lukin, Saytsev, Volobuyev, Sablin, Yegerev and Sivers.

There began a deadly struggle at the front and the fatal fight of Gen. Denikin against Krassnov and the Cossacks.

They succeeded in removing Cossack-Ataman Krassnov from his position. In a daring fight Cossack General Mamontov and his cavalry corps forced their way and came within 125 miles of Moscow.

Whole Red divisions surrendered to the Cossacks and joined them. The Red front was penetrated and the order was given to evacuate Moscow. It seemed as if an end was being put to the Reds. Gen. Denikin ordered Gen. Mamontov to return by plane. After he had returned, he was removed from his position, sent to a hospital and poisoned. His position was given to Gen. Navmenko, who was highly devoted to Gen. Denikin, but was at the same time called a traitor by the Cossacks.

Member of Parliament Ryabovol was shot, when Kulabukhov, another M. P., was hanged, all fighting Cuban-Cossacks left the front. That was the end of the so-called „Russian counter-Revolution“, brought to an end by the efforts of White and Red Russia.

Wherever behind the broad back of the Cossacks free and independent states had come into existence, the Reds, shooting into the air, singing and playing the accordion, saw to it that „order was brought about within two months after the victory over the Cossacks. They were all exterminated.

With fresh strength and new supplies the Red Army attacked Warsaw, assisted by a cavalry of 80.000 Cossacks. They were those Cossacks, who had received ships from Denikin to flee across the Black Sea. This war campaign was to find an end much later on in 1945 at Berlin.

80.000 Cossacks emigrated. The whole of the Cossack territory was taken over by Red occupation forces. The former Cossack Republic was divided between Russia, Ukraina and the North-Caucasus. There were founded: the Stalingrad Province, the Rostov Province, the Krasnodar Province, the Stavropol Province and later on the Autonomous Province of the Calmucks.

Every Cossack, who had cooperated with the Bolsheviks, was shot by the occupation force, among them Colonel Mironov, the President of the Red Don-Cossack Republic declared by Moscow.

Purgations were set about. The following persons were accused of narrow-minded nationalism and separatism: the secretary of the province-committee Sheboldayev, chairman Sirzov of same committee, the leader of North-Caucasian troops Kashirin, Evdokin and many others.

It started with wheat requisition and a general travel interdiction. Moscow sent 10.000 party-members to take over the administration of these territories. Communist „Troikas“ (committees of three) stripped the people nearly naked by looking for wheat. Under the leaders Tshurgeev, Filtschukov and Gabun the partisan-war started. In this fight against the partisans the 14th Moscow-Divison, being the occupation-force in the Cossack land, lost its men three times. This Division consisted of 15.000 infantrymen with artillery and cavalry.

On the 18th of June 1923 a decree was published, which ordered should be wiped out that the name and meaning „Cossack“. There came 25.000 specialized partymembers from Moscow which were to bring about the general collectivization. The collectivization-committee had its headquarters in Rostov, and Kaganovitch, Mikoyan and Yagoda were its members.

„The enemy decided to check the strength of the Soviets. But in spite of the rigorous measures the Cossacks – by opposing – risked their subsistence, freedom and life. (Molot“, December 1929).

„In a Cossack town 234 kulaks, 200 people from the middle-classes and 400 poor people were arrested during one single day“. („Pravda“, 7. Dec. 1929).

Here are two examples illustrating the actions of the Bolsheviks having come to the Cossacks:

„There came NKVD-units, infantry, artillery, cavalry and at the railway-station there arrived two armoured trains. After ordering the general collectivization a „Court of the People“ was staged. A 68 year old women, who had taken six corn-cobs from a collective farm and a worker who had taken one sack of barley for his three children from a similar farm, were killed by shooting on the scene“. (Peter Krivobok, informing a commission of the American Congress).

And Mihail Boyko writes in his book „Bloodsoaked Soil“ about this time:

„All jails were crowded with prisoners. In the jail of Stavropol, instead of normally 450 persons 3.000 had to find place in 1937. The majority of the imprisoned Cossacks was accused of being „enemies of the people“, having done espionage for other nations, having prepared a general uprising and planing to declare independence. A torturing took place; the Cossacks were hit with gun-roads, clubs, legs of chairs and pistol-butts. The people were tormented with fire, or held under cold water in winter-time or needles were hit into the fingers under the fingernails.

Up to 1933 the Soviet newspapers issued articles about the „bandit-war“ in the Cossack country. The population was diminished by half.

Countless transports of banished Cossacks moved to Solovki and Siberia. In the Cossack country many starved, even cannibalism arose.

The Cossacks bore all that – still believing that the day of rescue will come.

Therefore, in 1942 the arriving Germans, representing the civilized West were thought to be the liberators of the Cossacks. They were welcomed enthusiastically with tears of joy and flowers.

All those, who were able to carry a rifle, formed units of volunteers and joined the German troops. In spite of strict orders from Berlin, the commanding generals of the German troops in

the East allowed the Cossacks to join; their troops there were simply too many volunteers. Finally about 180.000 armed Cossacks were again able to fight against their enemy. A Cossack Forwarding Center was established in Berlin with General Krassnov as president. At Milau/Poland, the 15. Cossackian Cavalry Corps with General von Panwitz was formed. The Cossacks were acknowledged as allies of the German Government and their right of independence was recognized.

Talks were beginning about the foundation of a Cossack government but it was very late – December 1944 and on the other hand another factor – the Vlassov-story – had arisen.

There stood the Cossacks – and also there stood General Vlassov, who promised the whole of Russia as an ally-to-be; therefore it select their right ally.

The Cossack government was not founded.

Vlassov formed two divisions and – in spring 1945 – he withdrew his troops from the assigned position and they marched into Czechoslovakia. There they communicated with red partisans, disarmed all German garnisons and assaulted the German troops in Prague. In return for his help General Vlassov received a bust Marx from the Red Magistrate of Prague. He tried to stay in the West, but the Americans gave him back to the Bolsheviks. Many say that he was hung then. But others state that he was put to another job after having revealed all „traitors, who helped Germans“.

The Cossack government did not come and the final victory did not come.

The „Reich of 1.000 years“ had fallen to ruins and with it all those, whose hopes for independence and freedom were disappointed.

On the 15th of May 1945 the 15th Cossackian Cavalry Corps (about 32.000 men) were taken prisoners near Klagenfurt, Volkermarkt and Feldkirchen. Officers were separated from their men and

men were ordered to march in regimental order to Italy and take up duty for the allies. But when passing a forest, each regiment was surrounded by heavily armed British troops and under guard of tanks, artillery, and low-level fighters they were delivered to the Reds.

It happened that a whole Cossackian battalion was shot because they were not willing to surrender to the Russians; it also happened that the British had to use phosphor in order to break the resistance of these men. Then the officers were delivered. Trucks filled with officers arrived at the Mura on the other side of which Soviet troops were waiting near Judenburg. The officers had to form rows of six and were ordered to cross the bridge.

Reaching the middle the first twelve officers jumped off the bridge, six on each side. Some of them were smashed upon impact on the stones. The rest were shot by Britons and Russians. The will was broken, the rest of the living officers surrendered completely.

The British Division was lead by General R. K. Arbutnot to East-Tyrol. The 36th Brigade of this division was lead by Gen. Geoffrey Mason. To this brigade belonged the 8th Argyll and Sutherland's Highland Battalion with Commander A. D. Malcolm. Major W. R. Davis was liaison officer to the so-called „Cossackstan“, the migration of the Cossacks.

This Cossackstan had come from Italy to East-Tyrol; it took quarters in the valley of the river Drau, between the towns Lienz and Spittal. Nine regiments, one cadet's school and 40.000 refugees had come here, on the whole about 100.000 persons. The 5th Reserve Regiment had stayed in Genova (Italy); while fighting partisans it was diminished by half, the rest was captured and delivered to the Russians.

Small Cossack units in Italy were formed into the so-called „Column of Colonel Wagner“; about 2.800 men were

delivered to Tito and shot in a forest near Ljubljana.

About 10,000 Cossacks, captured in the Normandy by the Allies, went via England to Archangelsk and were shot upon arrival.

But now again for liaison officer Davis: He developed a feverish activity at Lienz, the center of the Cossackstan. High officials assured that all Cossacks would do duty in British colonies and that no Cossack would be delivered to the Bolsheviks. Pretending that the Cossacks would be given more modern arms for their duty in the colonies, their arms were taken away.

The daily ration consisted of about 14 ounces of bread, 4 ounces of meat and 4 ounces of sugar; chocolate, coffee and tea were also distributed.

New equipment was distributed. In the camp Peggez a big load of bricks arrived — one stove was to be built for every five Cossacks. Name-lists were made up of actors and musicians to form a Cossack theatre. Names of journalists and writers were collected to issue a Cossack newspaper the next day.

Finally all Cossack officers were invited to a conference with Gen. Alexander, the subject being their duty in the British colonies. There were 2,756 officers, among them 35 generals, 167 colonels and other officers.

On the 28th of May, 1945, 2,201 Cossack officers, by British desire in full dress, sat down in buses manned only by their driver. About 500 officers had become suspicious and fled into the mountains.

The whole transport began to move and the same happened to them as to the above-mentioned 15th Cavalry Corps. Passing a forest they were surrounded by 25 tanks with 70 men, 140 soldiers with machine-guns and 210 men with 175 motorcycles. 70 soldiers with Tommy-guns were dispersed on the bus-roofs. In front and rear of the transport-convey there stood trucks with 30 heavily armed men. Two tear-gas trucks

came up behind the convoy and two jet-fighters were sauntering above. There appeared representatives of the allied forces with orderly officers and interpreters, totalling to 15 men. The whole of the watchmen counted up to 530 men, 15 light cannons, 125 machine-guns and 310 Tommy-guns. With this escort the convoy arrived in a camp at Spittal, which was furnished with barbed wire and watchtowers.

Finally the „special German SS-troops and special troops of German SS-partisans, deserters and traitors“ were behind lock and key. That was the way STALIN designated the Cossacks in the run of the „Conference at Yalta“ and so they were designated on the 23rd of May, 1945, between the representatives of the allies at Vienna, with General Aleksander being attendant.

The officers were told that being Soviet citizens, they would be delivered to the Russians the next day. But among them were only 35 percent Soviet citizens, the others being „old immigrants“. They showed their identity papers to the attending British officer, Colonel Malcolm, and demanded to be set free at once. The colonel said: „Show these papers to Stalin“.

In this camp seven officers hung themselves: Tarusskiy, Charmalov, Karavayni, Sarinov, Yakovlev, Samoilov and Kusnetsov. 12 officers, who tried to escape through the barbed wire, were shot. General Tarassenko, Lieut. Colonel Prosvirin and Col. Polukhin cut their arteries, they were moved somewhere else until today nobody knows where to.

Next morning tanks and trucks arrived at the camp and the officers were urged to seat down in these trucks but they refused, British soldiers armed with special clubs advanced towards the unarmed Cossack officers.

The 80 year old Cossack Ataman and writer General Krassnov was knocked down.

General Shkuro, who had received in 1919 a high British decoration for his

bravery, threw this to the feet of the British soldiers and called out: „We prefer death to this mob!“ He was the first to take his seat in the truck.

Arriving at Judenburg 350 Cossacks were called up and disappeared without a sign until today. 1st Lieut. Kraus, adjutant of General von Pannwitz, was seized when he tried to flee.

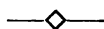
After all Cossack officers had been called together, three Soviet soldiers put 1st Lieut. Kraus at a wall and armed with machine – guns, they fired a volley at him. He merely succeeded shouting: „Long live the Cossacks!“

Via Graz, Vienna, Neustadt, Budapest, Ploesti, Vokshanee, Bryansk, Moscow, Sverdlovsk, Novosibirsk, Prohopyevsk and Kemerovo their way led to Siberia. When Nikita Khrushchev released them, only about 10 percent of these officers were still alive. The following were separated from the officers' transport: General Peter Krassnow, General Nikolay Krassnow, General Shkuro, General Sakhim Keletsh Girey, General Domanov and General v. Pannwitz. They were brought by plane to Moscow; after long questionings they were condemned to be hung.

But there was still left the camp Peggetz and nearly 100 000 Cossacks and refugees in the whole Drau valley. On May 29, 1945 the delivery of the camp Peggetz to the Russians took place. On a platform 26 priests holding religious images and flags, they began a public worship. Very many joined it. From the distance the rumbling of approaching tanks could be heard and the camp was surrounded by British infantry with trunks. The soldiers fired a volley (at) the legs of the playing people, then over their heads. The tanks rolled into the crowd. The soldiers slashed about with clubs. About 3 000 men, women and children from the crowd lost their lives by shots, tanks and club-slashes. About 500 flung themselves into the river Drau and drowned.

At last the crowd was entrained. Witnesses state that from many a truck closed tightly, blood had been dripping. Others witnessed young British soldiers who weeped.

After three days silence covered the valley of the Drau. Countless transports rolled to Siberia – towards death.

This year it was the 20th meeting of the Cossack on the cemetery in Lienz, where children, women, invalids, officers and soldiers are buried, crushed by tanks, killed by gunbutts and club-slashes, mashed by the mass, shot during their escape...

There lie those who went west thousands of miles in the hope to escape from the communists.

The Cossacks thought of the deliveries to the Russians in Lienz, Rimini, Dachau, Dzemona, Kempten, the Normandy, Judenburg and Spittal. They commemorated those, who had died from slave-like work, exhaustion and dystrophias, thought of those, who, to the liking of Stalin, were sentenced to death by the west.

And the Cossacks concluded:

For 40 years the west had assisted communism, – for 40 years the west helped building up the Soviet-Union; it had been Roosevelt, Churchill, Lord Alexander, lease-lend, coexistence, „cultural exchange“, it had been simple ignorance, stupidity or treason.

And what did the West receive in return? Cold War; Cuba and Vietnam; the red bridge-head in Berlin including the Wall, which should not simply be called „Wall of Disgrace“ but „Wall of Disgrace to the West“.

The population of the West grew up to nearly a billion and in the middle of this billion the impudent communists had spread and organized the last and decisive fight.

The West received slogans about peace and coexistence from Moscow, re-

peating them like a parrot but without noticing that the lack of own ideas will result in losing prestige.

The West still tries to buy friends and fights already in the open against his former „friedens“, starting a careless defense against the penetrating enemy.

This defense looks very much like a bull-fight. The anti-communist bull from the West, entering the arena of the world, sensed instinctively the fight for life or death and dashed for the chiny red flag Korea.

There the West received the first blow, the second in Cuba and the third in Vietnam.

The West could not see why the Bolsheviks were able to make friends during these years; the West killed or delivered those who could have been friends.

The West stubbornly does not want to notice those nations in the east who are longing for freedom since forty years.

For twenty years an American organization in Germany continues the cruel deed of Lienz by using other base means.

This organization was assisted by the German newsmagazine „Der Spiegel“, which slandered the Cossacks in a base and stupid way by using the vocabulary of Russian propaganda.

The West believes in the reunification of Germany by beguiling the Bolsheviks for giving back the Soviet Zone.

One will be able to talk about reunification of Germany five minutes after the fall of the communist regime in Moscow. These talks will be the more successful, the more friends Germany tries to make in the Moscow-suppressed countries. During the last twenty years Germany did not take the trouble to do so.

Stubbornly the west will not see why it is not enough to proclaim a „week of the suppressed people“ during which we are allowed to pray for the souls of our relatives, who were killed by Stalin, Ro-

osevelt, Churchill, Alexander and hundreds of other politicians of the West. This world-syndicate of our murderers has not only dug the grave for the Cossacks in Lienz but also the future grave for the rest of the free world.

The West must see that the concept of „culture“ is not measured by the grade of admitting communist ideas in a people, and how many useful idiots there are between its intelligentsia, how far its politicians deal with blood and if it is so stupid as to use its own army killing the innumerable victims, we repeat fore earn disgrace forever. Stalin had been more clever; for such mass-killings he used NKWD-units, never soldiers.

Other nations certainly develop no confidence for the West when the extermination of the Cossacks is continued.

Who will be the next? – many of those ask, who watch the continuing of the crime in Lienz. Here in the West they do everything to stamp out the Cossacks.

„Dogs, do you want to live forever?“ – they ask us today. Whom will they ask tomorrow?

Here we are assured of freedom of speech. And we speak.

We warn all other nations – watch our future especially from now on. When the policy towards us is not changed and we vanish without a trace, or a sudden indefinite „accident“ happens to us – then this means that the West is fanatically continuing to help Moscow – until their own throat is cut.

Having said all this, we hope that God will illuminate the West. And we Cossacks, having quietly viewed our past, not knowing if we are stamped out finally or live after the communist experiments and the collaboration of the West with the Bolsheviks-commemorating the innumerable victims, we repeat an old Cossack toast:

„Thank God that we are Cossacks!

Only Him we fear.“

The walked thousands of miles escaping from
communists..,

...and the West killed them...

ВОПРОС ПОРАБОЩЕННЫХ НАРОДОВ ПЕРЕД НЕМЕЦКИМ БУНДЕСТАГОМ

На 190-ом заседании немецкого парламента в Бонне, членом этого парламента профессором доктором Оберлендером был поднят вопрос о том, не считает ли немецкий парламент необходимым со своей стороны прокламировать «неделю порабощенных народов» так-же как это сделано в Соединенных Штатах Америки.

На этот вопрос профессора доктора Оберлендера немецкий министр иностранных дел г-н д-р Шредер ответил:

«Союзному Правительству известны не только Резолюция Конгресса от 17 июля 1959 года но и Прокламация Президента Соединенных Штатов Америки объявленная им по этому поводу.

Союзное Правительство (немецкое, в Бонне. Прим. редакции) не считает необходимым предложить нашему парламенту аналогичный закон. Немецкий народ, приняв во внимание вынужденный раздел Германии и судьбу 17 миллионов немцев принужденных жить под советским владычеством, особенно сознает, что Свобода и Независимость являются непримосновенным Правом. Поэтому он чувствует себя узко повязанным с каждым народом стремящимся к независимости и Свободе. Чтобы это сознание и это чувство повязанности осталось неуслыпным или чтобы его особенно подчеркивать, по мнению Союзного Правительства в Германии такого закона не нужно.

Проф. др. Оберлендер:

«Господин Министр! Не считаете ли Вы, что тогда, когда иные, именно американцы, демонстрируют в день 17 июня, должны бы были и мы показать, что и мы что-то делаем для порабощенных наций?»

Др Шредер, министр иностранных дел:

— «Дело идет о вопросе дальнейшей законодательной поддержки и на этот вопрос я отвечаю отрицательно. Что касается самого Союзного Правитель-

ства Германии, то оно уже достаточно часто заявляло, а своей политикой повторно доказало, что оно право на свободу, самоопределение и национальную независимость не только для немецкого народа пытается осуществить, но и для всех народов мира».

Этим диалогом в немецком парламенте окончилась короткая дискуссия по вопросу о порабощенных нациях, поднятому профессором доктором Оберлендером и ниодним иным членом парламента не поддержанным.

Красиво сказанные пустые слова г-на министра иностранных дел д-ра Шредера еще и еще раз показали нам, что представляет теперь собою местная политика в отношении всех нас. Как когда-то казаки говорили: — «и хочется и колется, и мамушка не велит!» Вся немецкая политика в отношении Советской России, особенно еще при Хрущеве, была основана на совершенно для нас нелюбимой надежде, что большевики, вдруг став страшно добрыми, согласятся на объединение Германии, что Ульбрихту они «вставят перо» и все в мире, таким образом, устроится и все будут счастливы. История с Аджубеем, которого принимали в Западной Германии с таким низкопоклонством, которое было просто противно наблюдать, еще у всех нас в живой памяти.

Немецкая пресса ни одним словом не обмолвилась о предложении д-ра Оберлендера.

Нас намеренно «не замечают», мы мешаем в «высокой политике» которая, доведенная, до логического конца, закончится признанием советского народовубийства и таким образом, соучастия в нем. Что-же мы можем сделать? Протестовать? Но ведь наш протест будет иметь такой же успех как протесты этого же теперешнего немецкого правительства против стеньных позора.

Остается одно — надежда, что кто-то где-то поумнеет...

Слабая надежда, черт побери!

ПАРТИЗАНСКИЙ ОТРЯД ЕСАУЛА АЛЕКСЕЕВА

**Тебе столица Северного Дона
Издалека сыновий шлю привет.
Но вряд-ли кто теперь остался дома,
Чтоб от тебя прислать мне твой ответ.**
П. Ф. Крюков.

На широком и высоком мысу раскинулась станица Усть-Медведицкая. С двух сторон Дон омывает этот мыс, образуя большую дугу. С южной стороны станицу огораживает сплошная гряда высоких холмов — Пирамиды. Если подняться на самую высокую Пирамиду то далеко кругом открывается вид на окрестности. На юг, в тепчем мареве уходит степь, на запад, вверх по течению Дона, видно чуть-ли не до устья Хопра, на север, на много верст, раскинулась долина реки Медведицы, а на восток-запад в буром разлив песков.

И вот на этом-то самом высоком холме станица устроила кладбище для своих ребят-партизан, павших в тяжелом бою под хутором Шишкиным, защищая от русских большевиков подступы к родимой станице. Ребятами они были, некоторые только что вышли из детского возраста. Немало закопали их там в течении 18-го года, постоянно подвозя к ним «подкрепления». Хоронили там всех убитых на фронте. Станица поставила на этом кладбище высокий белый крест. Издалека был он виден, служа вечным напоминанием о том, что там лежат сыны Тихого Дона, отдавшие свои жизни за честь и свободу Родимого Края.

В то время станица Усть-Медведицкая являлась просветительным центром всего северного Дона. В станице было реальное училище с его семью основными и семью параллельными классами, мужская гимназия, женская гимназия, учительская семинария с образцовым училищем, и епархиальное училище, высшее начальное училище, маинское женское училище, духовное училище и несколько начальных школ.

Казачья учащаяся молодежь станицы, с самого появления большевист-

ской власти заняла к ней резко-отрицательную позицию. Нет ничего удивительного в том, что когда станица была очищена от большевиков, то вся эта молодежь выявила горячее желание стать в ряды ее защитников. Окружная власть Усть-Медведицкого Округа, скрепя сердце, дала разрешение на формирование партизанского отряда из учащихся.

В станице было получено предписание из Царицына мобилизовать молодых казаков в красную гвардию. Станичный сбор наотрез отказался выполнить это требование. Большевики подвели свои части к зданию станичного Правления и пулеметным огнем разогнали выборных станицы. Эта наглость со стороны русских оккупантов окончательно оттолкнула от них казаков, которые еще рассчитывали на какое-то мирное сожительство с Москвой. Про учащуюся молодежь и говорить не приходится — порохом вспыхнула и ответила созданием боевой противобольшевистской организации. С присущей молодежи горячностью, было сделано несколько необдуманных шагов. К их числу должно отнести неудачное покушение на жизнь сотника Рожкова, председателя одного из многих того времени советов. Это повлекло за собою арест гимназиста Подольского — члена организации. Допросы с побоями и пытками не вынудили его выдать организацию. Он был зверски убит в окружной тюрьме.

В 1918 году летние каникулы начались очень рано, Пасха была ранняя и с пасхальными каникулами начинались и летние каникулы, т. е. после Пасхи занятий небыло. Похороны Подольского прошли тихо и при малом числе участников организации. После похорон кто-то из учеников младшего класса, сестра которого служила в военно-революционном комитете, предупредил нас, что мы трое будем арестованы и разделим судьбу Подольского. Мы тут-же решили немедленно уходить на хутора к родственникам. День клонился к вечеру, когда мы тронулись в путь. Нужно было обойти красногвардейскую за-

ставу на Пирамидах. Пришлось верховьем буерака Кукушкин войти к Пирамидам, отнужниками перевалить через гору и в таких же отнужниках Рубежного исчезнуть из поля зрения заставы. Выбравшись на шлях, ведущий на хутор Большой, уже в сумерки мы бодро и смело двинулись в путь, как вдруг из-за кургана, при повороте дороги в Ольшанку, (балка) появилась группа всадников. Почти моментально браунинг, единственное наше оружие, полетел в збочдорозные кочки. Настроение изменилось к худшему, но мы не остановились, продолжая свой путь как ни в чем не бывало и только на расстоянии 20-25 сажений узнали своих хуторцев. Эта был разезд одной из Уст-Хоперских сотен, состоявший из казаков хут. Каледина, во-главе с начальником разезда мл. ур. Малаховым. Легко себе представить нашу радость! Мы дали им все необходимые инструкции и в ту-же ночь Усть-Медведица была занята сотнями усть-хоперцев. Подробности об этом есть у ген. Голубинцева в его книге «Русская Вандея». В руки восставших попало некоторое количество огнестрельного оружия и пленные. Из тюрьмы были освобождены политические заключенные, в большинстве офицеры.

Сразу-же из местных офицеров и казаков началось формирование сотен для защиты станицы. Вновь сформированные сотни высылаются в догонку за отступающими красными.

В эти памятные дни подъесаул Бабкин формирует партизанский отряд численностью не менее 120 человек, состоящий почти исключительно из учащейся молодежи станицы. Отряд без промедления принимает участие в обороне подступов к Усть-Медведице. В одном из боев под хутором Зимняцким начальник отряда подъесаул Бабкин был убит, командование принял подъесаул Алексеев, имя которого было впоследствии присвоено отряду, т. е. его называли «Алексеевский партизанский отряд».

Через неделю после очищения станицы от красной гвардии защитникам ее пришлось отступить под давлением превосходных сил красных и недоставка в вооружении. На этот раз красные удержались в станице всего две ночи и один день. Внезапным стремительным ударом восставших красные были опрокинуты в еще не вошедший как следует в свои берега Дон. Мало кому из них удалось спастись вплавь. Большинство или утонуло, или было взято в плен вместе с богатыми трофеями вооружения. Алексеевский партизанский отряд в этом деле принимал деятельное участие. Потери красных были настолько велики, что они без остановки бежали в слободу Михайловку. С этого момента начинаются военные действия за обладание этой слободой и станцией Себряково на жел. дор. линии Царицын-Лиски. Партизанский отряд, вместе с другими частями восставших, преследует противника, участвует в бою под слободой Староселье — передовом бастионе Михайловки. Наступление мы повели со стороны хут. Безименского, имея на своем правом фланге одну усть-медведицкую конную сотню, вооруженную исключительно холодным оружием. Цепь отряда залегла на возвышенности в виду слободы. Разделял нас луг шириною в версту. Левый фланг цепи отряда упирался в лес и залег по склону бугра в удивительно неудобном положении — головою под склон. Со стороны правого фланга цепи было открытое поле с небольшой балкой. Эта балка дала возможность красной кавалерии обойти наш правый фланг и заставить нас, под сильным артиллерийским и пулеметным огнем, отступить в хутор Безымянный. Наступление окончилось неудачей при нескольких раненых.

Поскольку мы тогда сознавали важность происходящего, поскольку каждый из нас самоотверженно стал на защиту своего куреня и Дона от нашествия северного соседа, постольку мы были мало вооружены и еще меньше обучены как обращаться с вооружением и практике ведения боя.

Это обстоятельство долгое время отражалось на действиях отряда. После боя под слободой Староселье отряд задержался пару дней в станице Арчадинской, а потом занял позиции на хут. Ильменском, против поселка Кобылинка — втором передовом бастионе слободы Михайловки. Вскоре после этого командованием восстановленных была сделана следующая попытка овладеть Михайловкой. Наш отряд получил задание обойти Кобылинку с тыла и произвести нападение на красных как только начнется на них наступление с фронта. Выступивши в полночь из хутора, к началу утра мы пересекли широкий луг, подошли лесом вплотную к Кобылинке и, в ожидании начала наступления, залегли вдоль лесной дороги Кобылинка- Староселье. Перед нами, на расстоянии каких-нибудь ста саженей, стояла в огороде батарея и тут же паслись лошади ее упряжки. Мы были у цели но назначенного наступления все еще не было, несмотря на то, что уже давно началось прекрасное летнее утро. Со стороны Кобылинки доносились звуки орудийной стрельбы и пулеметов, но и они вскоре прекратились. Неизвестно как долго пролежали бы мы в лесу, если бы на дороге по пути из сл. Староселье-Кобылинка не появилась двуколка с запряженным в нее пегим маштаком и красноармейцем на козлах горланившем песни на весь лес. Он был уже в середине нашей цепи, когда заметил нас. Соскочив с двуколки, с криком «товарищи, здесь белогвардейцы», бросился бежать в сторону батареи. Наше присутствие было обнаружено и нам ничего не оставалось, как захвативши двуколку с пегасом, уходить вглубь леса. Как показала обстановка мы отходили вдоль окопов красных под их непрерывным пулеметным обстрелом леса. На наше счастье они пользовались разрывными пулями и стреляли без цели, наугад. Широкий луг, отделяющий хутор Ильменский от леса, пересекли под обстрелом красной артиллерии, при двух легко раненных, оставшихся в строю.

Через несколько дней после этой попытки занять слободу Михайловку, отряд вернулся в Усть-Медведицу. Расстояние (ст. Арчадинская — Усть-Медведица) в 50 верст на радостях было проделано в одну ночь. Вскоре и фронт под давлением красных и по причине недостатка в вооружении, покатился назад к Усть-Медведице. Снова станице грозила опасность быть занятой красными. Казаки станиц по Медведице неохотно брались за оружие, да и в самой Усть-Медведице на все было в надлежащем порядке — мобилизация и формирование новых частей подвигались медленно в то время как враг уже был на подступах к станице. Миронов с его красной гвардией уже занял хутор Шишкин с целью переправиться через Дон у хутора Ярского и появиться в тылу станицы. Со дня на день ожидалось появление отряда ген. Фицхелаурова. Пока же появился полковник Роман Лазарев. По его приказанию части ст. Усть-Медведицкой и подлежащие к мобилизации собрались на Александровской площади. Полковник Лазарев обратился к собравшимся с призывом взяться за оружие и изгнать непрошенных гостей из пределов Войска. Ясно и понятно напомнил присутствующим о последствиях неповиновения. Его речь, вместе с близостью красной гвардии Миронова, возымела свое действие. Станица в ускоренном гюрядке готовилась к обороне. Это было в самом начале июля. На долю Алексеевского партизанского отряда выпала тяжелая задача. Ночью отряд переправился через Дон и прибыл в станицу Ново-Александровскую. Население небольшой станицы поголовно исчезло в соседнем Войсковом лесу. Целый день отряд оставался в станице. Разведка установила расположение красных и их меры предосторожности по охране собственного тыла. Выход в тыл Миронову через хутор Красный не охранялся. Это обстоятельство значительно облегчило действия отряда, задачей которого было выйти в тыл группе красных Миронова на хуторе Шашкином, с рассветом атаковать их одновременно с атакой частей ген. Фицхелаурова.

Ночью отряд выступил из станицы Ново-Александровской, на хут. Красном перешел на правый берег Медведицы и после короткого марша занял исходное положение на открытом поле вблизи хут. Шишкина, в тылу у красных. Вправо от расположения отряда тянулись песчаные буруны, заросшие красноталом. Эти буруны сыграли в этот знаменательный день благую роль в обороне отряда от преследователей.

Подходил назначенный час для атаки, к началу наступления на хут. Шишкин. Но ни звука не было слышно со стороны Усть-Медведицы. Пост красных на ветряной мельнице на краю хутора Шишкина обнаружил нас, дал по нас короткую очередь из пулемета и поспешил в хутор. Нам ничего не оставалось другого как идти в наступление в надежде на запоздавшую поддержку частей со стороны Усть-Медведицы. Цепь смело двинулась вперед. В хуторе был слышен шум и одиночные выстрелы. По рассказам жителей красные были в ужасной панике и только отсутствие угрозы с фронта задержало их паническое бегство. Подойдя почти вплотную к хутору мы увидели частую цепь красных, которые, махая шапками, призывали нас не стрелять. Это ввело нас в заблуждение. Медленно, без выстрелов, продвигались мы вперед. На расстоянии, когда уже можно было различать лица, красные открыли по нас огонь. Цепь отряда залегла и в свою очередь открыла усиленный огонь по красным. Это их задержало, но они были в таком численном превосходстве, что нам не осталось ничего другого как отстреливаясь отходить. Тем более, что все еще не было никаких признаков наступления с фронта. Отходя в сторону песчаных бурунов увидели мы на нашем левом фланге внезапно появившуюся конную группу. Все мы были уверены, что это отряд полковника Лазарева. Но его намерение обойти наш фланг рассеяло все сомнения — это были красные.

Все-же они нас не атаквали, видимо надеясь, что и пехота с нами справится. Большая часть отряда, выйдя

в буруны, оторвалась от красных и отходя на запад очутилась в юрте станицы Букановской. Наш взвод, отстреливаясь, достиг песчаных бурунов, залег в них, припугнул красных метким огнем и спокойно продолжил отход в направлении на хут. Шемякин. К вечеру были мы в Усть-Медведице.

Партизанский отряд подбесаула Алексева, подростки, казачата станицы Усть-Медведицкой, еще раз спасли станицу от вторжения в нее посягателей на казачий Курень, на казачью Землю и Свободу. Понесли жестокие потери убитыми но не посрамили казачьей чести. Жертвы боя под хут. Шапкиным были торжественно похоронены на вершине Пирамид при участии всего населения станицы во главе с Окружным Атаманом, войск. старш. Хрипуновым. Из моих одноклассников по реальному училищу лежат там в вечном упокоении Петя Агеев и Вася Попов. Вечная им память и слава.

Вскоре после боя под хут. Шишкиным части восставших вместе с частями ген. Фицхелаурова заняли слободу Михайловку, прекратив движение по линии Ю. В. Ж. Д. До начала 1918-19 учебного года учащиеся партизаны вернулись в свои школы, связь с отрядом прервалась и пище-му эти строки дальнейшая его судьба неизвестна.

Участник.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Выход очередного номера журнала задержался по независящим от Редакции причинам.

Следующий номер выйдет в октябре.

Станичники — поддержите казачье Свободное Слово!

ПАРАД

В Донской Кадетский Корпус приехала высокая личность «Высокая» потому, что занимала она важное положение в эмигрантской жизни и еще потому, что сама личность была действительно высокого роста.

Казачата не переставали шутить:

— Петро, ты видел высокого начальника?

— Какого? Того, что головы не видать? Видел!

— Как головы не видать? — удивился Гриша.

— Да высота такая, что и не видать головы — в облаках вся, а на темени снег не тает.

Оба рассмеялись звонко, по детски.

— Как то придется сегодня на параде равнение держать... шея, пожалуй, заболит, вмешался третий кадет.

Вдруг труба заиграла «збор» и кадеты побежали строится.

Вскоре кадеты уже шли на «парадную» площадь. Подтянутые, начищенные, в парадном обмундировании.

Двор опустел. В помещении оставались только дневальные. В помещении приготовительного класса скучал маленький Мохаша, которому было всего девять лет. Но вот распахнулась дверь и в класс влетел другой «приговишка» по имени Харитон.

— Мохаша, Мохаша, где твой папаша? — подразнил он своего приятеля — Гляди, кто то выпустил корпусных свиней! Пойдем покатаемся! Я уже пробовал. Большие свиньи, как кони. Пойдем, никто не увидит. Все на параде.

Мохаша согласился и друзья отправились.. Харитон сел на спину свиньи и та, хрюкая, двинулась шагом. Мохаша же решил, что на коня не садятся как на стул. Нет! Тут надо лихо вскочить! И он с разгона прыгнул на спину громадной свиньи. Испуганное животное взвизгнуло от неожиданности и понеслось прямо к воротам ведущим на площадь...

Кадеты уже были построены для парада. Офицеры стояли каждый перед своим взводом.

— Па--а-р-р-а-а-д, сми-и-р-р-но! Господа офицеры! — прокричал генерал командующий парадом.

Взоры всех устремились в ту сторону, откуда ожидали появление высокой личности.

В этот критический момент на площадь влетела свинья с мальчишкой на спине, а за ним выскочил другой с звонким криком:

— Мохаша, держись за гриву! Повод вправо, а то людей потопчешь!

Поднялось волнение. Дамы заахали. Кое-кто захихикал. Кадеты застрялись от смеха, который старались сдержать. Командующий парадом растерялся, не то итти рапортовать, не то гнать свинью с площади? Все высшее начальство обомлело, а директор корпуса потерял дар слова...

Но тут выручил фельдшер. Он стоял в толпе зрителей и с ним была его собака.

— Арапка, ты не хвокусничай, гони свинью!

Собака была умная, поняла что от нее требуется. Она перерезала свинье дорогу и свернула ее в другую сторону. Мохаша успел соскочить и скрыться.

Парад прошел благополучно.

Д. Родионов.

КАЗАКИ — КАЗАКАМ

Так называли казаки памятник поставленный им в Америке всем казакам павшим за Долю и Волю казачью. В первый раз в истории нашей эмиграции удалось казакам объединиться в поминовении всех жертв нашей борьбы против северного оккупанта. Самая большая заслуга в этом деле принадлежит ст-ку Афанасьеву посвятившему всего себя этому святому делу.

Будем надеется, что готовящийся в Америке съезд казаков, поставивший себе целью консолидацию казачьих сил в эмиграции, будет столь же успешным.

Сорок лет нашего сидения на Западе показали нам, что мы могли бы многого достигнуть, если бы сумели вести наши дела объединенно.

Последние годы показали нам всех, кто способен к работе и кто работает на разложении казачества.

Дни для нас-казаков остались считанные. Если мы не сумеем создать приличной объединенной организации, если и дальше будут у нас появляться выскочки, если и дальше наши силы будут дробиться мелкими претендентами на посты, если и дальше будем мы терпеть неизвестных типов появляющихся там и тут и сеящих смуту и несогласие — мы бесславно погубим наше святое дело. Будем верить, что не только в делах поминовения усопших, но и в деле постройки нашего будущего — свободной Казачьей Земли для наших детей — найдем мы наших несчетных афанасьевых.

Как и всегда, беспомощно и спотыкаясь работают наши устроители. Целеустремленно и заранее рассчитанно действует мистер Черри, старающийся наперед все скомпроментировать или повернуть на неделимческие рельсы. Выкиньте его, по им-же предложенному рецепту, вон. От советского патриота до казака-печальника маскировался он в единственном желании верховодить, все-равно под каким соусом. Пора нам, за сорок лет работы понять, кто наш брат, а кто жалкий конъюнктурщик.

Silentium

Коль в мире этом хочешь ты
Всегда преуспевать,
Имей ты локти поострей,
Учись хвостом вилять.

Все, что ни скажут здесь тебе,
С восторгом повторяй.
Ты — эмигрант, ты — унтерменш,
Ты — жалкий попугай.

Какое дело здесь кому,
Что твой погиб народ!
Под дудку местную пляши,
Стань местный патриот.

Забудь про славный Тихий Дон,
Отцов и дедов кровь,
Коль деньги есть купи себе
Почет, уют, любовь.

А коли беден ты и сир,
То облюбуй плетень
И ляг под ним и тихо жди
Последний хмурый день.

Твоя страна и твой народ
Погибли в годы смут...
Молчи об этом и пойми,
Что здесь на нас плюют.

Они талдычат о Христе
Но это их солдат
Святые растоптал Дары,
Дубиной бил ребят.

Они про Кубу и Вьетнам
Так жалобно скулят,
О страшной жертве казаков
Молчат они, молчат.

Здесь никакой идеи нет,
А в моде — ловкачи.
Хватай, что можешь упереть,
Верти хвостом. Молчи!

П. Поляков

ВЫСТАВКИ СВОБОДНОЙ ПРЕССЫ

После выставки в Ганновере, Союз Свободной Прессы устроил очередную выставку в Гамбурге. С 3-го по 15 мая с.г. в помещении «Хауз дер беггунг» продолжалась, вызвавшая живой интерес у местного населения, выставка союза эмигрантских журналистов. Северо-немецкое радио и местное телевидение посвятили особое внимание экспонатам выставки и представителям национальностей в ней входящих. В самом центре помещения особо выгодное место занимал казачий стенд устроенный, ввиду болезни представителя казаков, болгарским журналистом г-ном Ноевым. От лица казаков и редакции журнала «Казакция» г-ну Ноеву, по его возвращении из Гамбурга, была выражена теплая благодарность. Следующая выставка Союза журналистов будет устроена в самом непродолжительном времени.

МАНИФЕСТАЦИЯ А. Б. Н.

В зале Герти-хауз, в Мюнхене, вмещающем 1.200 человек, 23 июля с.г., состоялась манифестация против коммунистического насилия и выражений сочувствия поработленным народам. Организованная А. Б. Н. эта манифестация прошла с огромным успехом. Говорили проф. Дурчански, бывш. министр иностранных дел независимой Словакии, князь Нико Накашидзе, генер. секретарь А. Б. Н., грузин; др. Гейнц Ланге, член нордландвестфальского парламента; Франц Гакш, член баварского парламента; Герберт Шверцер секретарь союза нем. беженцев в Бонне и пани Слава Стецко, шеф пресс-бюро А.Б.Н., украинка.

Нужно особенно подчеркнуть колоссальную работу проведенную пани Славой Стецко, душой этого собрания. С неиссякаемой энергией работает верная дочь поработенной Украины на ее освобождении и в своей огромной занятости успевает подумать о всех иных народах и их нуждах.

Флаг Казакии, принесенный сторонниками И. Билого, занимал достойное место.

В своей речи, кроме прочего, г-н Шверцер рекомендовал перейти от слов к делу. Здорово придумано! Мы это начали Западу рекомендовать еще в 18 году. Пока-что западное дело в отношении нас, казаков, выразилось массовыми убийствами и депортацией. Если Вьетнам, наконец, не открывает глаза тем, кому надо, то туда им всем и дорога. Нам осточертело играть на западе роль каких то унтерменшей от дерьмократии.

МАНИФЕСТАЦИИ УКРАИНСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В ГЕРМАНИИ

В субботу 31 июля и воскресенье 1-го августа состоялись собрания, общий ужин торжественный концерт, танцы, возложения венка на могилу немецкого неизвестного солдата, церковные службы и молебствия, с участием большого количества присутствовавших украинцев не только из Германии, но и из соседних стран.

Председатель Центрального Представительства пан Антин Мельник и секретар Володимир Лэник доказали, что работая упорно и целеустремленно, имея сознательную, национально твердую эмиграцию, дружно работающую со своими предводителями, можно достигнуть очень и очень многого.

Пианистка Галина Коваль, оперный певец Скала-Старицкий, сопранистка Оксана Совяк, смешанный хор под управлением Ивы Полуляха, молодежная группа бандуристов «Кобза» под водительством Мирослава Дьяковского, женский хор «Диброва», руководимый пани Марией Харабач, танцоры под руководством В. Насолы из Мюнхена и другие из Штуттгарта — доказали еще раз, что Украина «еще не вмерла», что будет она жить и победит в конце-концов своего истинного врага.

Приятно констатировать, что в украинской эмиграции все больше и больше консолидируются ее живые силы в общем и дружном стремлении к Независимости. Наши симпатии, как и всегда, на стороне украинского Народа. Дай Бог щастя!

ЗАСЕДАНИЕ СОВЕТА ИНОСТРАНЦЕВ ПРИ БАВАРСКОМ МИНИСТАРСТВЕ РАБОТ

В зале заседаний баварского Министерства Работ состоялось собрание Совета иностранцев при этом министерстве, под председательством советника г-на Штокера, в присутствии министра г-на Шютц и представителя Высокого комиссара по делам беженцев г-на Торгерзен. Кроме вопросов о лагере в Цирндорфе, беженских организациях помощи, помощи в культурной жизни иностранцев и иных, было доложено и о новом Законе о иностранцах, вступившем в силу 28.4.65.

По этому закону бесподанный иностранец, проживающий на территории Западной Германии, может быть выселен в одну из некоммунистических стран, ему может быть запрещена политическая деятельность и свыше указано место жительства, если это найдет нужным союзный министр внутренних дел. Против такого решения министра возможна жалоба в немецкий суд.

К этому вопросу мы вернемся еще раз позднее.

Рассматривался и вопрос о подданстве. Всего до 63 года в Германии получило подданство 17.000 иностранцев. Из пяти казаков подававших прошение о подданстве ни один такого не получил. Казаки нынче нигде не в моде. Их любят лишь тогда воевать нужно.

ЖУРНАЛ «КАЗАЧИЙ ПУТЬ»

В Мюнхене вышло два номера журнала «Казачий Путь», издаваемого Алексом Медером-Риттером-Протопоповым. Мы рекомендуем всем казакам читать этот журнал. К его содержанию вернемся подробнее позднее. После бигдаевского «життя», медеровский журнал безусловно чисто провокаторский. Ничего подобного в эмиграции казачьей еще небыло и мы надеемся, что предел человеческой низости в нем достигнут.

Станичники — пишите Протопопову, требуйте его журнал, читайте и думайте о том до чего дошли наши «господа офицеры». Все, что там пишется, касается не только тех кого этот журнал паскудит, но и всех казаков. Журнал издается от имени Союза защиты казаков, в котором состоит и ритмайстер Петровский. Этому последнему мы своевременно тоже ответим на его письмо напечатанное в «Родимом Крае». А пока, господа офицеры, старайтесь и дальше. Покажите себя полностью, на что вы способны.

ПОСТУПЛЕНИЯ В РЕДАКЦИЮ «КАЗАКИИ» (в долларах)

Г. Губарев — 1.-, А. Третьяков — 2.-, Г. Бойчевский — 3.-, А. А. Я. — 5.-, Д. Свиначев — 5.-, А. Картишко — 1.-, В. Растрин — 5.-, П. Гаркуша — 1.-, З. Акатруба — 5.-, М. Растринга — 1.-, И. Шведин — 2.-, А. Афанасьев — 8.-, М. Сарин — 5.-, И. Белоусов — 5.-, В. Попов — 5.-, А. Аникушин — 2.-, Н. Петровский — 3.-, Н. Евсеев — 5.-, С. Чечетин — 2.-, Л. Кононов

— 2.-, П. Гаркуша — 2.50, С. Колесников — 10.-, А. Афанасьев — 5.-, В. Лазарев — 5.-, В. Боронин — 1.-, Д-р Трембицкий — 1.-, К. А. П. — 1.50, А. Кромаровский — 0.50, Др. Васко — 5.-, И. Мосев — 2.-, А. Кибирев — 2.-, И. Зубенко — 2.-, В. Глазков — 5.-, Ф. Штовхань — 15.-, Др. Ян Станкевич — 5.-. Всего: — 129.50.

КОНЕЦ ДОХЛОГО ДЕЛА

В Мюнхене перестала выходить газета издававшаяся «Американским комитетом освобождения народов СССР», переименованным неоднократно и закончившим жалким псевдонимом «Комитет радио Свобода». Газета называлась «Наше общее дело». Мы-же, потолкавшись меж тем, кого комитетчики в Мюнхене при помощи своих долларов произвели в новые иберменши, увидев и разглядев что-же вокруг творится, газету эту называли «Дохлое дело». И, к глубокому нашему сожалению, оказались правы.

Спервоначала были мы несколько в заблуждении, полагая, что коль уж «освобождение народов СССР», то тут и горевать нечего. Ан-нет. Народом избранным в Мюнхене был объявлен народ русский. Было создано бесчисленное количество организаций, вплоть до бесплатных ночлежек с закуской и, особенно, выпивкой. Был создан ряд «политических» организаций; ловкие парни из бывших уроков стали антикоммунистами по убеждению, власовцы вовсе очистились от коллаборантства и полезли наверх, на посты сколь высокие, столь же и хорошо оплачиваемые. Целяя русская организация, при Адольфе работавшая открыто и звонко, перекочевала к новым боссам. Загудели типографские машины, полетели в эмигрантскую массу книги, брошюры, газеты, словом — запахло новой Русью.

Казакам дали понять, что с ними никак сотрудничать не желают. Помощь оказывалась всем, за исключением казаков националистов. Можем отметить презабавный случай, когда, в Австрии, казакам националистам в этой помощи отказали, под предлогом, что все они — пьяницы. В Мюнхене был случай, когда казаку — монархисту, помощь была оказана, а сыну его — националисту, отказали. Как

были казаки убраны из Парижского блока писали мы не раз. Пользуясь оплаченными агентами из рядов тех кто соответствовал видам этих новых «иберменшей», комитетчики состряпали гнусную по грязноте приемов провокацию и сделали, собственно, страшное дело. Они скомпрометировали не только себя, но и показали нам всем, что в рядах эмигрантов, орущих о праве на свободу и самоопределение, ратующих за освобождение своих поработанных народов, они всегда, за добрую мзду, найдут предателей и мелких послушных агентов, готовых на любую подлость.

Мы не станем утверждать здесь, что работали здесь достойные ученики НКВД лишь потому, что не уверены, не сидят ли там, где вся политика в отношении эмигрантов определяется, подлинные энкаведисты. Казаки были почти уничтожены английским Айхманом — лордом Александером, остатки их добивались в Мюнхене. Сунув эмигрантам Керенского, поведя за нос в Парижском блоке тех, кто еще верил во что-то положительное, сведением на нет единственной мысли — устройства в международном масштабе антиколониальной конференции, сведя издаваемый Блоком журнал на роль жалкого подголоска специально для мусульманских народов, сведя в Институте по изучению СССР все национальные издания к нулю, комитетчики вдруг, в один день, разогнали русские организации которые они годами содержали и, в конце этой постыдной политической свистопляски, прикрыли и свое «дохлое дело».

Мы бы сказали, что, конечно-же, туда ему и дорога, если бы не понимали, что каждый печатный орган в эмиграции, выходящий с антикоммунистической тенденцией, следует не только поддержать, но сделать все, чтобы он существовал и дальше. Боссы из комитета решили иначе и со-

вершенно не стесняясь заголились политически так, что нам все видно стало: — вся возня с эмиграцией велась лишь к тому, чтобы набрать из нее послушных исполнителей и агентов — с одной стороны и, с другой, придумать все то, что самостоятельно думает. Лучшего способа для помощи Москве — не придумать. Интересно было бы в конце концов узнать — если где-то наверху, где все это было придумано, не сидят посланцы МВД, то какой степенью тихого помешательства болеют те, кто все это проделал? Забавно отметить, что в Германии русская эмиграция совершенно заглохла. О ней ничего не слышать. Лишь крайне нерегулярно выходит пробольшевистская газетенка, которая, видимо, Москве и не нужна. Да и зачем! — все, что имело хоть какой-то вес в русской эмиграции перекочевало за железный занавес, остались лишь те, кто за старостью лет или полной политической бесцветностью никому не нужен.

Используя все что могли, упорно работая все время в своем национальном духе, неустанно трудились украинцы и вышли в эмиграции западной Германии на первое место. Нечего и говорить, что по духу они нам братья. Но, приняв во внимание несчетные карты, статьи и брошюры, в которых казаков так или иначе либо не замечали, либо территории их просто присваивали, должны мы никак не торопиться с криками ура. Посмотрим что дальше будет.

Интересно сравнить времена гитлеровские с временами деятельности американского комитета. В Югославии, находясь полностью на рельсах прорусских, немецкое командование сначала казаков-националистов не замечало, затем решило использовать и кончило подлым предательством. Но в то-же самое время мы постоянно находили отдельных лиц, стоявших весьма высоко, которые нам помогали, нас понимали, старались исправить все, что можно. Ничего подобного у американского комитета «Свобода» — нет. Здесь за все двадцать

лет нашей повоенной жизни мы не нашли еще ни одного человека думающего собственной головой, имеющего собственные мысли. Получив свой «джаб» прет он вытаращив глаза напропалую, совершенно не задумываясь над тем, что же из всего выходит. Жаль. Нет таких несчетных богатств, нет такой в мире силы, которые не были бы уничтожены группой собственных глупцов. А дураки в политике — самая страшная вещь.

Мы говорим прямо, совершенно забывая, что давно мы объявлены унтерменшами от дерьмократии и что делается все, чтобы нас уничтожить. В угоду Москве. Но, впрочем, мы — не смутимся. Мы пойдем дальше, и дальше говорить будем в простой надежде, что поученные Вьетнамом поймут таки люди, что антикоммунисты еще могут пригодиться, что народодубийство — гешефт никудышный!

А. С.

ПЯТАЯ КНИГА СТИХОВ ДОНСКОГО ПОЭТА НИКОЛАЯ ТУРОВЕРОВА

выходит осенью из печати размером в 224 страницы.

Цена по предварительной подписке — 3.- доллара.

В Зап. Германии можно подписаться через редакцию «Казакии».

Станичники! Покупайте книгу несравненных по красоте стихов.

Помяните еще раз Дон Тихий под Туроверовские песни!

Адрес автора:

N. N. Touveroff
Rue Paul Lafargue
BAT 1 — Esc. F
Pierrefitte (Seine) — France

КАЗАЧЬИ ПОЭТЫ «ТАМ»

* * *

Между холмами, как в седле,
Притихший, сумеречный хутор
Поводья троп спустил и спутал —
Казак в пути навеселе!..

Но хутор мертв. Покинут он.
Курень тоскует одиноко,
И снег с крыльца не обметен,
И взрывом выдавлены окна.

Молчат проулки и базы,
Не слышно говора людского,
Лишь посвист ветерка донского
На ветках вишни и лозы.

Не звякнут ведра у реки,
Где проруби, как небо, сини,
Не скрипнут у плетня Аксиньи
Узорчатые чирики.

Какая жизни глубина,
Каких страстей шумела сила!
Одних давно взяла могила,
Других — неволя и война.

Лишь в час, когда ложится вечер
В донские степи, как в постель,
На хрупкий лед ползет разведчик
Да в полыньях рябит метель.

Н. Грибачев. «Дон» № 5, 1965.

КАМЧАТСКИЕ СТИХИ

Прими мои, Камчатка, покаянья.
Но, слушая, как стонет пенный вал,
Я на море,
На Тихом океане,
О милом тихом Доне тосковал.
Встречая ветер с моря,
точно с поля,
Холодный, опьяняющий слегка,
Я в нем ловил не горький запах соли,
А сладкий — чебреца
и полынка.

Борис Куликов. «Дон» №. 6. 1965

РЕЧКА КУМШАЧКА

Речка Кумшачка
Не знаменита.
Все-таки — речка,
Не просто корыто!

Землю стенную
Она арендует,
Но на помещицу
Не претендует.

Речка Кумшачка
Простая казачка,
Степь ей — подруга
И солнышко юга.

Доном — не будет,
Волгой не станет.
Да и задачу такую
Не ставит.

Нет осетров —
Ерш-забияка,
Окуньки да сорожка,
Вихрастый Ерошка!

Раки!
Фамильная гордость
Ростова:
Раз их попробуешь —
Хочется снова.

Всей глубины в ней —
От силы два метра.
Спросите вы:
— А какая примета?

Скромность, отзывчивость,
Искренность к людям.
Речку Кумшачку
Мы не забудем.

Виктор Боков. «Дон» № 5. 1965

Цепляясь за степные склоны,
Под ветром пыль кружит юлой.
Как золотые взрывы
Клены,
Звения, клубятся над землей.

Траву сгибает воздух стылый...
Над крышами базковских хат
Горит густой, багровокрыльный,
Ошеломляющий закат.

И я, волнения не пряча,
Сойдя с моста,
Спешу туда,
Где валкой поступью казачьей
Вбегают на песок вода.

Я знал,
Я чувствовал,

Я верил,
Встречая радость и беду,
Что все равно на этот берег
И я когда-нибудь приду.

Приду в один из дней погожих
И грудью полною вздохну
Всходящую по травам Вешек
Писательскую тишину.

Она бодрит и согревает,
Накатывается пьяня,
Так вот где слово вызревает
Готовясь потрясти меня.

Его неспешно Дон колышет
Степь аромат подарит весь,
И то, что завтра мир услышит,
Неуловимо реет здесь.

Игор Халупский. «Дон» № 4. 1965

ПАЛОМНИЧЕСТВО В ФОРТ ДИКС, НЬЮ ДЖЕРСИ

Мировой синдикат убийц, договорившись со старым добрым Джо, выдал сотни тысяч антикоммунистов своему компаньону Иосифу Сталину из Австрии, Германии, Италии, Франции и Америки. Под покровительством американского сенатора Джона Тонера, конгрессмена Джона Ашбрука, генерала Кларка, бывш. главнокомандующего войсками США и ООН в Корее и писателя и публициста Хелберта Филбрика создана организация по реабилитации жертв этой торговли человечиною и паломничества на могилы трех казаков покончивших самоубийством. Всего из Америки Сталину было послано на смерть 87 казаков. Покончили с собой: Фе-

октист Калинин, Игнат Назаренко, Филипп Спатов.

Мы утверждаем, что западный мир заплатит страшной ценой за кровь выданных праведников, если во-время не поймет, что ему делать надо. Мы рады, что в Америке нашлись люди провозгласившие Неделю порабощенных народов, мы рады, что в Америке нашлись люди помогающие реабилитации выданных. Мы знаем, что если человеческая совесть пробудится в США, поспешат и остальные изобразить раскаявшихся, понявших и стремящихся помочь.

Запад должен одно помнить постоянно: кровь выданных казаков на нем и на детях его.

Казачи!

Нам никто не помогает

Только на свои силы

можем мы надеется

Крепко подумайте

о нашей вольной прессе

Жертвуйте!

К А З А К И Я

журнал казачьей националь-
но-освободительной мысли.

Издатель: Верховное Казачье
Представительство за Рубежем.

Цена отдельного номера:
В Зап. Германии — 3 НМ.
В США и Канаде — 0.75 \$
В иных странах по соот-
ветств. курсу доллара.

Редактор: П. Поляков.

K O S A K I A

Zeitschrift für Kosakische Freiheit und
Unabhängigkeit.

Herausgeber: Oberste Kosakische Re-
präsentation im Exil.

C O S S A C K I A

Magazine for the Cossack's Freedom
and Independence.

Edited by: Supreme Cossack's Repre-
sentation in the Exile.

Editor P. Poljakow
W. Germany. München 45. Postfach 1.
Phone 311 69 01

Все денежные переводы на журнал
«Казакия» и все чеки просим пере-
сылать исключительно на адресу:

OTTO DIERKS & CO BANKHAUS
8 München, Marienplatz 28
Konto Nr. 2329 – Kosakenland